

С.Ю. Колчигин

К АРХИТЕКТОНИКЕ СОЗНАНИЯ: КОРРЕЛЯЦИЯ ЧУВСТВА И ПОНЯТИЯ

Колчигин Сергей Юрьевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник. Институт философии, политологии и религиоведения Министерства образования и науки. Республика Казахстан, 050010, г. Алматы, ул. Курмангазы, д. 29; e-mail: skolchigin@mail.ru

Формирование целостного понимания человека требует многомерного и одновременно конкретного подхода к его внутреннему миру, включая выявление связей и взаимодействий между различными его сферами, в частности – чувствами и понятиями. В статье намечаются пути к теоретическому синтезу чувственности и мышления, предлагается определенная содержательная модель человека в его целостности. Задача заключается в том, чтобы увидеть феномены чувственной сферы и категории мышления в их собственном развитии и субординации и одновременно с этим выявить связи и соединения чувственности и мышления; более того – рассмотреть иерархическое строение разнообразных чувств в их корреляции с иерархией универсально-всеобщих понятий. Чувство и мысль оказываются связанными друг с другом в единые формообразования, блоки, паттерны. Но чем конкретно соединяются чувственное и рациональное, какая способность и синтезирующая схема делает возможным их совмещение? Такой схемой и способностью являются, вероятно, фундаментальные способности-матрицы: воображение и доверие (открытость как проявление единсущности человека и мира). Только в случае, когда в роли посредников между мыслью и чувством выступают воображение и базовое доверие, стихийность мысли и стихийность чувства способны приводиться в двуединую развивающуюся систему.

Ключевые слова: корреляция, чувство, понятие, психика, мышление, сознание, воображение, доверие, духовность

Для цитирования: Колчигин С.Ю. К архитектонике сознания: корреляция чувства и понятия // Философский журнал / Philosophy Journal. 2019. Т. 12. № 4. С. 32–42.

Существо проблемы и исследовательские задачи

В настоящей статье делается попытка набросать контуры теоретического синтеза чувственности и мышления и предложить, таким образом, некоторую модель человека целостного.

Систему мышления, как это хорошо известно, подробно изучали и выстраивали И. Кант, Г.В.Ф. Гегель, Н. Гартман, представители диалектической

логики советского периода. Особый вклад в этот вопрос внес Гегель. Он не только выделил категориальные определения мышления, как, например, Аристотель или Кант, но исследовал их в движении, развитии в составе целостного мышления. Никто до него этого не делал, а после Гегеля стали с пренебрежением говорить: «системосозидание» отжило свое. Однако сегодня, в эпоху всеобщего разлада и постмодернистской «разнесенности», как никогда обостряется объективная потребность в системном и целостном мышлении.

Что касается чувственной сферы, то ее в той или иной мере и форме (чувственные восприятия, религиозный опыт, поток сознания) анализировали И. Кант, Л. Фейербах, У. Джемс, Г. Буркхардт, Ж.-П. Сартр и другие мыслители. Из сравнительно недавних работ довольно заметным было исследование Дианы Акерман «A Natural History of the Senses» («Естественная история ощущений»), переведенное на русский язык как «Всеобщая история чувств»¹. Среди журнальных публикаций последнего времени можно выделить статью Сантьяго Эчеверри, посвященную связи эмоций и когнитивной деятельности².

Упомянутая работа швейцарского ученого приводит нас к главной теме нашей статьи. А именно: сегодня важно понять чувственность и мышление не только по отдельности и даже не только в их общем соотношении и тех или иных частных сочетаниях, но и в *иерархической корреляции*, т.е. в постоянной связи в качестве двух соединенных друг с другом феноменов на всех их эволюционных уровнях.

Здесь нельзя не упомянуть очень важный для нашего исследования момент: еще Франц Brentano вполне определенно высказывался о возможности построения системы чувственности по аналогии с системой мыслительных категорий. Если виды суждений справедливо различают по степени их релевантности, считал он, то гораздо менее обращают внимание на факт аналогичного различия между низшей и высшей деятельностью в области чувств³.

Серьезные усилия по созданию целостной системы опыта сознания предпринял Эдмунд Гуссерль. Он сознавал всю сложность задачи, особенно если бы удалось развернуть «полную феноменологию разума» и при этом она совпала бы с феноменологией вообще, объемлющей собою все определения сознания⁴. Если же говорить об исследовании чувств (ощущений, эмоций), то в основном они изучаются в психологической науке⁵. В то же время не так просто указать книгу или имя того, кто исследовал *бы систему чувств и систему мысли параллельно в их взаимной связи и развитии*. Такая связь, несомненно, существует. Недаром в научном мире проводится детальное изучение психических и когнитивных аспектов сознания⁶.

¹ Акерман Д. Всеобщая история чувств. М., 2018.

² Echeverri S. Emotional Justification // Philosophy and Phenomenological Research. 2019. Vol. 98. Issue 3. P. 541–566.

³ Brentano Ф. Избранные работы. М., 1996. С. 123.

⁴ См.: Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. М., 2009. С. 479.

⁵ См., например: Scherer K.R. Psychological Models of Emotion // The Neuropsychology of Emotion. Oxford; New York, 2000. P. 137–162.

⁶ См., например: Soteriou M. The Mind's Construction: The Ontology of Mind and Mental Action. Oxford, 2013.

Любопытно в этом контексте отметить новый смысловой оттенок в известном суждении Джорджа Беркли. Он писал о том, что существование души заключается в мышлении: «the soul always thinks», каковое суждение было установкой на бессмертие души⁷. Сегодня эта идея оборачивается неожиданной стороной. Можно сказать, что сущность души – чувствовать, а не мыслить, но при этом чувство и мысль находятся в теснейшем и взаимном отношении конкретной целостности.

Вопрос является чрезвычайно сложным. Система категорий мышления сама требует дальнейшей проработки, тех или иных дополнений и уточнений. Объясняется это тем, что категории многочисленны и взаимно связаны в своеобразный гипертекст. То же касается не в меньшей степени и проблемы систематизации чувств: они непрерывно перетекают друг в друга. И все же такую работу проводить бесполезно, если мы стремимся выстроить как можно более полную теоретическую модель целостного человека.

Трудность задачи усугубляется еще и тем, что в науке принято считать различие между мышлением и чувством абсолютно фундаментальным⁸.

Подход, который необходим в исследовании такого рода, можно называть феноменологическим, но с некоторыми оговорками. Под «феноменологией» здесь имеется в виду следующее:

1. Анализ явлений (феноменов), данных в чувственном опыте.
2. Изучение «узлов связи» чувства и понятия, т.е., опять-таки, определенных феноменов внутреннего мира.
3. По возможности точное описание каждого чувства и понятия, а также их отношений между собой и с родственными феноменами.

4. Некоторого рода двойная редукция: очищение чувства до понятия, а понятия – до содержания чувства. Причем именно потому, что редукция здесь – двойная, она, в сущности, есть не сведение «высшего» к «низшему», а, напротив, постепенное возвышение феноменов более низкого чувственного тона и относительно узкого понятийного смысла к более тонким, духовным чувствам и универсально-всеобщим определенностям мышления. Феноменологическая редукция здесь пересекается с содержательно-логической «дедукцией» (в гегелевском смысле «дедукции категорий»).

Более того. Опираясь на идею синтеза и образуемых им паттернов-узлов, мы сможем связать редукцию и дедукцию в единое целое. И тогда возникнет динамическая структура, внешне напоминающая двойную спираль ДНК.

Представляется, что задача заключается не только в исследовании явлений внутреннего мира, но и в раскрытии логики, характерной для чувственных феноменов в их корреляции с логическими категориями. Поэтому в данном случае феноменология объединяется с логикой познания.

Наряду с методом восхождения от абстрактного к конкретному, который требуется для последовательного выстраивания чувственных феноменов и категорий мысли в определенную иерархию, здесь необходим и своеобразный «гнездовой» метод. А именно – изображение основных, ключевых чувств всех сфер в их соединении и переливах с понятийным арсеналом мышления.

Особенность такого подхода, его радикальное отличие от других подходов, к примеру от того, который был применен Гегелем в «Феноменологии

⁷ См.: *Jakopi R.* Berkeley and the Separate State of the Soul // *Berkeley Studies*. 2007. No. 18. P. 24.

⁸ *Solms M.* The Feeling Brain: Selected Papers on Neuropsychanalysis. London, 2015.

духа», заключается в том, что для немецкого мыслителя было важно показать опыт становления сознания от простой чувственной достоверности до абсолютного знания. Фактически речь у него шла о том, чтобы постепенно освободиться от низшей, чувственной сферы, полностью подчинить ее сознанию, знанию, разуму, «утопить» чувственность в стихии чистого мышления. В нашем же случае чувства понимаются как корреляты мышления, т.е. мысль и чувство должны рассматриваться в их единстве, а задача исследователя состоит в том, чтобы разглядеть их, с одной стороны, в их собственной стихии и собственном развитии, но с другой – выявить и указать звенья, сочленения, которыми чувственность и мышление соединяются.

Верно подметил Жак Деррида: в каждом метафизическом понятии скрывается и изнашивается чувственное начало, вплоть до того, что полностью теряется из виду. «Абстрактные понятия всегда скрывают определенную чувственную фигуру»⁹. Эту закономерность можно пояснить следующим образом. Всякое отношение представляет собой близость или отдаленность соотносящихся элементов, и все дело лишь в различной степени этой близости или отдаленности. Иначе говоря, отодвигаясь от предмета моего отношения, я постепенно различаю вдали только его контур, а приближаясь к предмету, я все непосредственней чувствую его и в итоге, при максимально возможной аппроксимации, едва ли не становлюсь им.

Тем самым и задача настоящей статьи состоит в том, чтобы показать в первом приближении, как рабочую гипотезу, иерархическое отношение чувства и мысли, коррелятивную связь чувственности с иерархией универсально-всеобщих понятий.

Схематизмы взаимосвязи в иерархии чувственного и рационального

В истории познания мыслители нередко создавали схемы своего логического инструментария: Аристотель составил перечень категорий, Кант – таблицу категорий, Гегель представил категории мышления в форме развивающейся системы. Можно было бы продолжить и развить эти теоретические модели, изобразив весь внутренний мир человека в виде своеобразной сетевой структуры перетекающих друг в друга и сообщающихся друг с другом понятий и чувственных фигур. Таким путем мы смогли бы приблизиться к относительно полной картине внутреннего мира человека.

Возможность предлагаемой иерархии как картины последовательного возвышения человека заключается в том, что подлинно человеческое развитие есть не что иное, как уменьшение эгоцентризма (по выражению Кена Уилбера¹⁰) и, следовательно, расширение духовного начала.

Картина чувственной жизни человека выглядит на первый взгляд хаотичной. Можно ли найти какую-то четкую определенность в бытии чувств? На такой вопрос принято давать отрицательный ответ. Характер чувственной жизни исключает возможность ее линейной систематики. Однако здесь нужно в первую очередь разобраться с тем, что такое «чувство» в контексте истории и эволюции.

Чувство есть непосредственное отношение к миру, без использования орудий и иных внешних средств. Чувства непосредственны как таковые,

⁹ Деррида Ж. Поля философии. М., 2012. С. 243.

¹⁰ См.: Уилбер К. Теория всего. М., 2013. С. 256.

хотя за ними, конечно, есть опосредующая роль культуры. Своей непосредственностью, прямой связью с предметами они отличаются от мыслей, понятий как отношений *отвлеченных*. В гегелевской формулировке чувство есть «непредметное единство с предметом»¹¹. Оно есть нечто такое, что не привязано к предмету, хотя напрямую с ним связано. Это значит, что чувства (по крайней мере, некоторые из них) могут быть внетелесными и даже внеприродными. Это происходит в случаях, когда чувственный мир человека поднимается в своем самосовершенствовании до максимально возможной степени освобождения от связи с телесностью.

Следовательно, чувства эволюционируют от природно-инстинктивных до подлинно человеческих, духовных.

К первым из них надо отнести *чувства физические*: тактильные ощущения, зрение, слух, чувство гравитации, чувства пространства и времени и т.п. Но они не являются собственно человеческими, так как присущи и другим живым существам.

Более высокий тип чувственности представляют *чувства психические*: восторг, гнев, обида и др. Впрочем, и эти чувства по-прежнему представляют собой инстинктивные проявления, неспецифичные для человека. В сущности, это стародавняя, восходящая к Уильяму Джеймсу, идея о том, что эмоции проистекают из соматических процессов. Теория эта имеет различные вариации, однако в любом случае видит в эмоциях неразрывную связь с телесностью¹². Эмоции характерны больше для природного естества человека, хотя способны облагораживаться, смягчаясь под влиянием требований культуры.

Но с появлением *чувств духовных* жизнедеятельность человеческого рода кардинально изменяет качество жизни индивидов. Духовные чувства привносят в их внутренний мир и в отношения к окружающей реальности новые существенные оттенки. Качественными инновациями в сфере чувственности стала бескорыстная любовь, лишенная всякой эгоистической примеси, а с нею – готовность помогать всем и всему окружающему; чувство чудесного и благостного (эмоционального совпадения с высшим Богом) и т.д.

В контексте иерархии чувств становятся совершенно неоправданными многочисленные попытки отодвинуть чувственную сферу человека на второй план, а то и полностью подавить ее сферой *ratio*. Чувства не ограничиваются внешними ощущениями и психическими реакциями. Существует и качественно иной, высший уровень чувственной сферы, который может облагородить телесные ощущения и одухотворить разум, придав даже абстрактным категориям характер живых существей и жизненно значимых существ.

Эволюционно выстроенная система чувств выглядит в таком случае следующим образом: от природных ощущений – через психические эмоции – к духовным, высшим чувствам. Мы имеем, следовательно, *три стадии возвышения* внутреннего мира человека: сначала непосредственно-природную, затем психическую и, наконец, духовную. Эта третья стадия – высшие человеческие проявления: чувство священного, возвышенного, духовная любовь и т.п. Природные чувства логично обозначить как *ощущения* (*senses*),

¹¹ Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 2: Философия природы. М., 1975. С. 500.

¹² Friedman B.H. Feelings and the body: The Jamesian perspective on autonomic specificity of emotion // Biological Psychology. 2010. Vol. 84. Issue 3. P. 383–393.

психические назвать *эмоциями* (emotions), а духовные – *чувствами* (feelings). (Для философии при этом возникает и новая перспектива: к проблемам, имеваемым mind/body и mind/brain, добавляется проблема mind/soul.)

Нетрудно видеть, что система чувств конгениальна системе содержательной логики, в частности гегелевской триаде «бытие – сущность – понятие». Уровнем «бытия» здесь обозначается первоначальный этап познания, первичное состояние мысли, когда об окружающем человек еще не составил точного представления и глубокого понятия. Погружение в сферу «сущности» предполагает обнаружение многочисленных и богатых связей и взаимодействий в познаваемом предмете, его глубинные отношения и определения. Наконец, уровень, именуемый «понятием», подразумевает результат мыслительного процесса, целостное и конкретное понимание предмета, который подлежал познанию.

В чем же состоит возможность органичной связи чувства и мысли, чувственной и ментальной областей? И как выглядят те феноменологические конфигурации, которые образуют такую связь и, в свою очередь, влияют на нее?

Прежде всего, надо заметить, что чувство, как и понятие, является обобщением целого ряда предшествующих и сопутствующих факторов: жеста, взгляда, тона голоса. Кроме того, любое чувство ассоциировано с другими чувствами: зрение – со слухом, осязанием, обонянием; ревность – с обидой и гневом. В этом чувства очень похожи на универсальные понятия, ибо эти последние немислимы без всеобщей связи и представляют собой акцентировки тех или иных ее сторон и граней.

Понятие непременно срастается в нашем сознании с каким-либо образом. У всякой мысли должна быть своя плоть, оболочка, хотя бы и схематическая. Даже в музыкальных образах можно выражать некоторые философские понятия: движение, развитие, покой и т.п. Мы всегда ассоциируем понятие с тем или иным образом или со словом (буквенным или звуковым образным строем). Ярко выраженным характером такой способности обладал, например, индийский математик Рамануджан.

Но каков механизм взаимосвязи в иерархии чувственного и рационального? Чем связываются чувственное и рациональное, какой способностью? Как осуществляется совмещение чувств и категорий, через какую схему, «мост»?

Синтез чувственной и понятийной сфер – процесс весьма сложный, имеющий многомерную структуру¹³. В общем и целом, однако, ясно следующее. Как таковые, в своей чистой сущности чувство и мысль не имеют возможности непосредственного сопряжения. Они образуют синтез благодаря какой-то третьей способности, имеющей с ними общие черты. Это обстоятельство было, как известно, осознано Кантом (идея трансцендентального синтеза воображения) и в дальнейших философских исследованиях¹⁴. Воображение, как показано в новейшей литературе, конструктивно воздействует также и на практические акты и даже генерирует их¹⁵. Поскольку же чувство и мысль способны тесно сопрягаться, это указывает на принципиальную

¹³ См., например: *Катречко С.Л.* Моделирование метафоры в кантовской концепции сознания (познания) // РАЦИО.ру. 2009. № 2. С. 261–271.

¹⁴ Об этом см., например: *Бородай Ю.* Воображение и теория познания. М., 1966.

¹⁵ См.: *Dorstewitz Ph.* Imagination in Action // *Metaphilosophy*. 2016. Vol. 47. Issue 3. P. 385–405.

целостность человеческой личности и, следовательно, детерминирующую роль воображения в человеческой жизнедеятельности и развитии. «...Проблема целостности и самоопределения личности в критической философии представлена в учении о продуктивном синтезе воображения, – писал Н.К. Сейтахметов. – В трансцендентальном синтезе воображения осуществляется не только конструирование предмета теоретического познания, но творчество и связь способностей самого человека, связь, которая на поверхности жизни не осознается, и сами способности поэтому представляются бессвязными самостоятельными источниками познания»¹⁶.

Образ может выполнять различные функции, в частности функцию поэтическую. Он – основа и стержень поэзии. Хотя, если взглянуть внимательней, картина не столь однозначна. Поэтический образ иногда настолько далек от эмпирической реальности и, помимо этого, увлекает за собой много других образов, что в результате в литературном произведении теряется не только действительность, но и смысл самого текста. Это свидетельствует о том, что образ, продуцируемый воображением, *в конечном счете* не отличается от теоретической абстракции. Он тоже может быть отвлечен от реальности.

Но исчерпывается ли возможность синтеза чувственности и мышления способностью воображения? Ведь образность и абстрактность по сути своей таковы, что подразумевают *неоднозначность*. Необходима поэтому еще и открытость к этой неоднозначности, доверие собственному внутреннему миру. Жизнь человека постоянно строится на отсутствии точных знаний, поэтому человек предпринимает шаги на основе личного доверия реальности и собственным умозаключениям и чувствам.

Доверие – феномен универсального характера. Оно имеет отношение и к опыту, и к знанию, и к чувству, т.е. ко всему человеку. Недаром доверие обозначается целым рядом близких по смыслу слов: в русском языке это *вера, уверенность, доверенность, доверительность* и т.д., в английском – *belief, trust, sacred trust, faith* и т.д. Эта многозначность проистекает, вероятно, именно оттого, что доверие – то онтологическое начало, которое пронизывает всю человеческую внутреннюю жизнь. И даже больше. В своих высших, сущностных проявлениях полное доверие бытию, открытость ему выступает как сила, отсекающая в воспринимаемом объекте все недостойное, а по сути – и не видящая в нем ничего недостойного. Она спонтанно абстрагируется от недостатков окружающих людей и от неприятных воздействий окружающего мира, преобразая негативное в позитивное. Эти своеобразные «идеализации», выказываемые подлинной верой, не что иное, как чистые отношения, в каком-то смысле напоминающие чистые понятия.

Что касается воображения, то оно строит объекты, которых нет в принципе (творческая функция сознания). Кроме того, воображение воссоздает объекты, которые были, и тем самым оно есть ключ к хранимой информации. Воображение, далее, связует собою чувства и мышление. Следовательно, оно – функция, синтезирующая многообразные способности человека и имеющая дело с творчеством, сохранением и переструктурированием.

В таком случае доверие и воображение – две стороны одного и того же. Первая есть *базовая структура* психики человека; а вторая – ее *базовая*

¹⁶ Сейтахметов Н.К. Нравственный смысл германского идеализма. Алматы, 2007. С. 120–121.

функция. Доверие – это открытость любым объективным энергоинформационным воздействиям и кодам, позитивное их преобразование-приятие. А воображение – это инструмент работы субъекта с этими воздействиями и кодами. До некоторой степени здесь просматривается аналогия с противоположностью и единством «именной» и «глагольной» логики (логики структуры и логики процесса), которые присутствуют во внутреннем мире человека с той или иной акцентировкой¹⁷.

Доверие представляет собой *фундаментальную со-настроенность* человека с природой и с другими людьми. Что всего более сближает человека с миром? Безусловное доверие реальности, «священная вера». Можно сказать, что оно есть базовая матрица, или «материнская плата», бытия человека. Воображение же характеризуется изменением, творчеством, разнообразием цветовой гаммы, ритмов, конфигураций, т.е. непрерывно работает над диверсификацией образов. Следовательно, базовое доверие можно охарактеризовать как момент *единства* человека и *единства* его взаимосвязи с миром, а воображение – как момент *многообразия этого единства*.

В каждом конкретном случае связь чувства, мысли, образа и доверия миру образует чрезвычайно многоплановую и даже парадоксальную картину. «Парадокс в том, – замечает Т.Б. Длугач, – что несмотря на то, что предмет в чувственности дан, он дан только тогда, когда... построен, задан. <...> Если предмет не выстроен, он и не дан. Однако здесь возникает еще одна трудность в связи с тем, что предмет нельзя познать, не построив его, но как построить, если я его еще не знаю?»¹⁸. Но это затруднение лишний раз доказывает, что связь мысли, чувства и образа неразрывна и осуществляется на самых разных иерархических типах-уровнях знания и чувства. Общая закономерность указанных мостов-соединений, этих своеобразных феноменологических конфигураций, состоит в том, что чувство порождает образ-ассоциацию, он, далее, сопрягается с мыслью (и соответствующим понятием), а мысль вызывает к жизни новое чувство. Эта связь может быть как прямой, так и обратной.

Мысль, чувство, образ составляют единство, несмотря на то что являются относительно отделенными друг от друга. Но в реальной внутренней жизни человека они отделяются друг от друга настолько быстро, почти мгновенно, что их иерархия нам едва видна. В реальной внутренней жизни они выступают единым паттерном, а логически выстраиваются в определенную иерархию, систему.

Иллюстрацией близкой чувственно-ментальной корреляции может служить чувство меры вкупе с его эквивалентом – категорией меры. Другой пример – категория цели, которая идентифицируется через архетип Пути со стремлением к движению, активному изменению в пространстве и времени. Более сложной иллюстрацией коррелятивного соотношения мысли и чувства может служить психологическая конфигурация, связанная с феноменом ностальгии. Так, аромат осенних костров ассоциируется с памятью детства (представлением того, чего уже не существует); оно, в свою очередь, рождает ностальгическое чувство, а с ним и размышление

¹⁷ См.: Смирнов А.В. Сознание. Логика. Язык. Культура. Смысл. М., 2015. С. 454.

¹⁸ Длугач Т.Б. О некоторых странных предположениях в первой «Критике» Канта // Философский журнал / Philosophy Journal. 2019. Т. 12. № 2. С. 52.

о невозможности вернуться в детство и рефлексии по поводу того, почему эта осенняя ностальгическая ассоциация побудила думать о детстве.

На уровне духовно-чувственного отношения может проявиться, например, чувство бесконечного. В нем я одновременно созерцаю мир и свое собственное сознание и при этом непосредственно сливаюсь с бесконечностью. Из этого логично сделать вывод о том, что чувство бесконечного детерминирует соответствующее ему категориальное определение.

В иерархии подлинно человеческой чувственной сферы интегральным проявлением выступает духовная любовь. Это чувство вбирает в себя многие другие: чувства прекрасного и возвышенного, бесконечности и вечности, чувство долга и чувство священного. Любовь как вершина всей духовной сферы есть, следовательно, полное *чувственное понятие* о бытии. Любящий достигает действительного знания, или истины. И, постигая и осваивая истину своего бытия в мире, сам становится действительным человеком.

Заключение

Не следует рассматривать предлагаемую систему корреляции чувств и мышления так, будто с развитием логики непременно развиваются чувства – от природных к духовным. Скорее, следует видеть нечто противоположное: с развитием чувств к уровню духовному расцветает и в полной мере раскрывается система категориального мышления. Это объясняется тем, что сознательные оценки зависят от чувственной сферы: до тех пор, пока чувственный мир человека хаотичен и эгоцентрически замкнут на себя, работа мысли протекает так же хаотично и в ложном направлении.

В качестве практического вывода на перспективу можно указать на необходимость развития духовно-инновационных технологий, в которых всеобщие структуры разума и чувственности выступили бы в контексте возможностей духовной эволюции человека. Такие технологии способствуют эвристическому пониманию человеческой сущности, а тем самым и лучшей судьбы человека в мире.

Список литературы

- Акерман Д. Всеобщая история чувств / Пер. с англ. А. Гришина. М.: КоЛибри, 2018. 384 с.
- Бородай Ю. Воображение и теория познания. М.: Высшая школа, 1966. 150 с.
- Брентано Ф. Избранные работы / Пер. с нем. В.В. Анашвили. М.: Дом интеллектуальной книги; Русское феноменологическое общество, 1996. 176 с.
- Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 2: Философия природы / Пер. с нем. В.П. Чижова, Б. Столпнера и И. Румера. М.: Мысль, 1975. 695 с.
- Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / Пер. с нем. А.В. Михайлова. М.: Академический Проект, 2009. 489 с.
- Деррида Ж. Поля философии / Пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина. М.: Академический Проект, 2012. 376 с.
- Длугач Т.Б. О некоторых странных предположениях в первой «Критике» Канта // Философский журнал / Philosophy Journal. 2019. Т. 12. № 2. С. 48–63.
- Катречко С.Л. Моделирование метафоры в кантовской концепции сознания (познания) // РАЦИО.ru. 2009. № 2. С. 261–271.

- Сейтахметов Н.К. Нравственный смысл германского идеализма. Алматы: Б.и., 2007. 334 с.
- Смирнов А.В. Сознание. Логика. Язык. Культура. Смысл. М.: Языки славянской культуры, 2015. 712 с.
- Уилбер К. Теория всего / Пер. с англ. Е. Пустошкина. М.: ПОСТУМ, 2013. 256 с.
- Dorstewitz Ph. Imagination in Action // *Metaphilosophy*. 2016. Vol. 47. Issue 3. P. 385–405.
- Echeverri S. Emotional Justification // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2019. Vol. 98. Issue 3. P. 541–566.
- Friedman B.H. Feelings and the Body: The Jamesian Perspective on Autonomic Specificity of Emotion // *Biological Psychology*. 2010. Vol. 84. Issue 3. P. 383–393.
- Jakapi R. Berkeley and the Separate State of the Soul // *Berkeley Studies*. 2007. No. 18. P. 24–29.
- Scherer K.R. Psychological Models of Emotion // *The Neuropsychology of Emotion* / Ed. by J.C. Borod. Oxford; New York: Oxford University Press, 2000. P. 137–162.
- Solms M. The Feeling Brain: Selected Papers on Neuropsychanalysis. L.: Karnac Books, 2015. 240 p.
- Soteriou M. The Mind's Construction: The Ontology of Mind and Mental Action. Oxford: Oxford University Press, 2013. 381 p.

On the architectonics of consciousness: the correlation between notions and sensual content

Sergei Yu. Kolchigin

Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies. 29 Kurmangazy Str., Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan; e-mail: skolchigin@mail.ru

The formation a comprehensive image of man requires a multidimensional approach to his inner world that would be concrete at the same time. Such an approach must account for the connections and interactions between the various regions of that inner world, in particular, those between senses and notions. The author points at ways by which a theoretical synthesis of sensuality and thinking could be carried out. He proposes a model of man in his entirety. The goal is to present the phenomena of the sensual domain and the categories of thinking in their own development and subordination. At the same time the goal is to reveal the connections that synthesize them and explore the hierarchical structure of various senses in their correlation with universally-general notions. Together, the thought and the content of senses make up unified forms, blocks and patterns. But what kind of concrete ability connects the sensual and the rational? What kind of synthesizing scheme makes their union possible? Imagination and trust (i.e. openness as a manifestation of the common essence of man and world) can be viewed as potential components of such an ability. When the role of mediators between thought and the senses is played by imagination and basic trust, the chaos of thoughts and senses can be driven into a two-fold developing system.

Keywords: correlation, feeling, notion, psychic, thinking, consciousness, imagination, trust, spirituality

For citation: Kolchigin, S.Yu. “K arkhitektonike soznaniya: korrelyatsiya chuvstva i ponyatiya” [On the architectonics of consciousness: the correlation between notions and sensual content], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2019, Vol. 12, No. 4, pp. 32–42. (In Russian)

References

- Akerman, D. *Vseobshhaja istorija chuvstv* [A Natural History of the Senses], trans. by A. Grishin. Moscow: KoLibri Publ., 2018. 384 pp. (In Russian)

- Borodaj, Yu. *Voobrazhenie i teorija poznanija* [Imagination and the Theory of Knowledge]. Moscow: Vysshaja shkola Publ., 1966. 150 pp. (In Russian)
- Brentano, F. *Izbrannye raboty* [The Chosen Works], trans. by V.V. Anashvili. Moscow: Dom intellektual'noi knigi Publ.; Russkoe fenomenologicheskoe obshhestvo Publ., 1996. 176 pp. (In Russian)
- Derrida, J. *Polja filosofii* [Fields of Philosophy], trans. by D.Yu. Kralechkin. Moscow: Akademicheskij Proekt Publ., 2012. 376 pp. (In Russian)
- Dlugach, T.B. "O nekotoryh strannyh predpolozhenijah v pervoj «Kritike» Kanta" [On Some Strange Assumptions in the First Kant's 'Critique'], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2019, Vol. 12, No. 2, pp. 48–63. (In Russian)
- Dorstewitz, Ph. "Imagination in Action", *Metaphilosophy*, 2016, Vol. 47, Issue 3, pp. 385–405.
- Echeverri, S. "Emotional Justification", *Philosophy and Phenomenological Research*, 2019, Vol. 98, Issue 3, pp. 541–566.
- Friedman, B.H. "Feelings and the Body, The Jamesian Perspective on Autonomic Specificity of Emotion", *Biological Psychology*, 2010, Vol. 84, Issue 3, pp. 383–393.
- Hegel, *Entsiklopediya filosofskikh nauk. T. 2: Filosofiya prirody* [Encyclopaedia of the Philosophical Sciences, Vol. 2: Philosophy of Nature], trans. by V.P. Chizhov, B. Stolpner and I. Rumer. Moscow: Mysl' Publ., 1975. 695 pp. (In Russian)
- Husserl, E. *Idei k chistoj fenomenologii i fenomenologicheskoi filosofii* [Ideas to Pure Phenomenology and Phenomenological Philosophy I], trans. by A.V. Mikhailov. Moscow: Akademicheskij Proekt Publ., 2009. 489 pp. (In Russian)
- Jakapi, R. "Berkeley and the Separate State of the Soul", *Berkeley Studies*, 2007, No. 18, pp. 24–29.
- Katrechko, S.L. "Modelirovanie metafory v kantovskoj koncepcii soznaniya (poznaniya)" [Modeling of Metaphor in Kant's Conception of Consciousness (Cognition)], *RACIO.ru*, 2009, No. 2, pp. 261–271. (In Russian)
- Scherer, K. R. "Psychological Models of Emotion", *The Neuropsychology of Emotion*, trans. by J.C. Borod. Oxford; New York: Oxford University Press, 2000, pp. 137–162.
- Sejtahmetov, N. *Nravstvennyj smysl germanskogo idealizma* [Moral Sense of the German Idealism]. Almaty, 2007. 334 pp. (In Russian)
- Smirnov, A.V. *Soznanie. Logika. Yazyk. Kul'tura. Smysl* [Consciousness. Logic. Language. Culture. Sense]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2015. 712 pp. (In Russian)
- Solms, M. *The Feeling Brain: Selected Papers on Neuropsychanalysis*. London: Karnac Books, 2015. 240 pp.
- Soteriou, M. *The Mind's Construction: The Ontology of Mind and Mental Action*. Oxford: Oxford University Press, 2013. 381 pp.
- Wilber, K. *Teorija vsego* [Theory of All], trans. by E. Pustoshkin. Moscow: POSTUM Publ., 2013. 256 pp. (In Russian)